NIKALEONA

СТАРОЕ ПИСЬМО ИЗ БУДУЩЕГО

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ
О ПОИСКАХ СЕБЯ

18+

Елена Никольская

СТАРОЕ ПИСЬМО ИЗ БУДУЩЕГО

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72922892
SelfPub; 2025

Аннотация

Психологическое фэнтези о путешествии в глубины себя. Принцесса, дракон, замок и мир вокруг – архетипы, через которые раскрывается внутренний конфликт, сила и желание быть настоящей. Это история о том, как сказочный мир становится зеркалом подсознания и проводником к подлинному пониманию своей природы.

Содержание

Глава I. Башня Тишины 4
Глава II. Рыцари 11
Глава III. Глубина Заката 16
Глава IV. Прыжок в Рассвет 22
Глава V. Добыча и Охотник 28
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Елена Никольская
СТАРОЕ ПИСЬМО ИЗ БУДУЩЕГО

Глава I. Башня Тишины

Иногда мир складывается так, что границы между прошедшим и происходящим стираются, будто время выгорает на солнце, оставляя после себя только сухую суть. В такие моменты становится ясно: существуют места, где история не стремится к памяти, а просто продолжает жить, не замечая нашего присутствия.

Здесь всё устроено иначе.

Здесь прошлое не завершено, настоящее не спешит, а будущее ощущается как раскалённый шов под кожей – невидимый, но пульсирующий. Это пространство, в котором человек становится свидетелем, даже если пришёл один. И именно в такой тишине, наполненной давлением веков, появляется ощущение, что мир наблюдает за тобой, а не ты за ним.

В этих землях, пропитанных запахом почвы, хранящей в себе обугленные от времени корни старых миров, упираются в горизонт зелёные поля, покрытые маками, словно кровью древних битв, пролитой на землю и никогда не смытой.

Их цвет не просто яркий – он настораживающе честный, как память, которая отказывается угасать.

Свет здесь не движется привычно. Он не падает – он крадётся. Скользит мягко, будто пробует кожу земли на ощупь, пытаясь добраться до тех мест, куда уже столетиями не проникал. В нём нет прямоты, только настойчивая попытка разглядеть то, что скрыто за поверхностью.

Когда разуму открывается замок, он проявляется не сразу, как всё неожиданно большое, с отсутствием легко уловимых границ. Он будто не построен, а вырос – не как дерево, а как геологическое препятствие на пути к пониманию мира.

В этой архитектуре чувствуется такая сила, что кажется, его башни – как колонны, поддерживают небеса. Шершавая текстура потемневшего камня стен заточила в себе воспоминания об океане, где миллионы лет назад, ещё до появления человечества, формировалась эта порода известняка, собирая умирающую жизнь древних морей как свои трофеи.

Ворота этого замка всегда закрыты – не потому, что он защищает своих обитателей, а наоборот: он защищает мир от них, пытаясь удержать неудержимое.

И эта крепость – как вернувшийся с войны старец, обречённый на вечную жизнь и уставший от борьбы, но верно стоящий на страже давно забытых идеалов, потерявших свою ценность. Это место стало домом для принцессы без царства, без свиты и подданных.

Это не вынужденное одиночество, а осознанный выбор

того, кто нашёл в нём свободу. В тишине, в месте, где эхо веков становится единственным собеседником. Тут можно быть собой, не зная, кто ты; можно не подстраиваться и не искать компромиссов. Тут мораль становится игрой, а правила этой игры можно держать в секрете даже от самого себя.

Ты делаешь шаг внутрь этого огромного замка, и мир сжимается, словно стены вобрали в себя пространство, шепча голосом сквозняков, пытающихся поведать тебе о былой бурной жизни обитателей. Музыка балов и голоса ушедших поколений, эхом попавшие в ловушку стен, не может вырваться на волю, пытаясь рассказать свои истории с отчаянием немоты.

Идя по длинным коридорам босиком обитательница придерживая подол изношенного льняного платья, бесшумно проходила мимо многочисленных комнат, полных нарядов и украшений, к которым она была безразлична. И это безразличие было совершенно оправдано, ведь никакие наряды не способны добавить красоты к той естественной и непринуждённой уверенности, комфорту и лёгкости, которые стали здесь единоличными законодателями моды.

Выйдя на крышу замка, где она проводила большую часть времени, принцесса отпустила подол платья, расслабив пальцы и развернув ладони навстречу ветру, который тёплыми, уютными порывами приносил ей запах цветов с полей и вплетал их в длинные, распущенные волосы, такие же неукротимые, как и сам ветер. Запах цветов в её волосах был

вынужден конкурировать с запахом дыма от коптящих факелов, которые её дракон заботливо поджигал при наступлении сумерек.

Это был не питомец и не чудовище. Это была часть её самой – та самая внутренняя сила, которой она защищала своё хрупкое сердце, та ярость, которой она держалась за своё одиночество, та холодность, которой прикрывала свою нежность. Дракон был её бронёй. Её тенью. Её вторым «я».

Его крылья закрывали полнеба, его чешуя переливалась оттенками обсидиана, как осколки вулканического стекла, острая гладь которого умеет маскироваться, обманывая зрение. Его глаза – как бездонные океаны лавы, обещающие мудрость и погибель одновременно. Его присутствие – как воплощение первозданной мощи, не подчиняющейся законам природы, силы, которая заставляет воздух густеть от предчувствия, маня и в то же время отпугивая.

Медленно и глубоко вдохнув летний вечерний воздух, принцесса закрыла глаза, ловя ветер в расслабленные ладони. Она стояла так, как будто в этом был какой-то смысл – как в важном мистическом ритуале шамана, для которого мир духов давно стал обыденностью. Словно она приветствовала вселенную, а вселенная приветствовала её в ответ, не смущая своей бесконечностью, непостижимость которой повергает в смятение только тех, кто не чувствует себя её частью.

Это был обычный долгий вечер после обычного долгого

дня, который прошёл, как и многие другие дни, многих других лет, слившихся в одно цельное Сейчас.

На крыше стоял массивный деревянный стол, небрежно покрытый развевающейся на ветру скатертью из грубо сотканной ткани. Посередине стола располагалось большое блюдо с мясом, добытым во время вечерней охоты и зажаренным пламенем огнедышащего дракона. По сторонам стояли небольшие тарелки с лесными ягодами и ароматными травами.

В запотевшем глиняном кувшине – ледяная вода, на вкус как чистый снег тех горных вершин, что непригодны к жизни. И рядом – громоздкий угловатый бокал из помутневшего от времени горного хрусталя, чья несимметричная форма отбрасывала живущие своей жизнью блики непредсказуемой формы, которые свободно перемещались вокруг, появляясь и исчезая, когда им вздумается. Как портал для скучающих по этому миру душ, выходящих на короткую прогулку и пытающихся сбежать на волю, но быстро угасающих, едва пытаясь бежать, словно их надсмотрщик – тьма – растворяет их, возвращая обратно в небытие.

Воздух над крышей был плотным от запахов: жареного мяса, каменной пыли, влажного ветра, принесшего свежесть долины. На краю стола был воткнут нож с потемневшим лезвием и рукояткой из рога оленя – не кухонный, а рабочий, такой, которым легко и шкуру снять, и нарезать хлеб. Но принцесса им никогда не пользовалась, как и другими столо-

выми приборами, пылившимися где-то в шкафах кухонь на нижних этажах замка, куда она никогда не спускалась. Она ела руками – с величием и изяществом королевской особы, что относится к еде как к надоевшему развлечению, а не спасению от голода.

Огонь факелов, расположенных вокруг стола, едва колыхался – ветер касался их осторожно, словно обходил стороной, будто уважал этот ужин. С высоты крыши открывался вид на далёкий лес, где ещё недавно охотились, и на поля, которые на ночь выключали красноту своих маков, превращаясь в бездонные тёмные пропасти.

Принцесса уже сидела за столом, завершая свой тихий, торжественный ужин, на который не пришёл ни один из незваных гостей. Отклонившись расслабленно на тяжёлый деревянный стул с высоким подголовником, она держала в пальцах большую чёрную ягоду, оставлявшую на её пальцах фиолетово-чёрные следы, будто она испачкалась о ночное небо, когда отщипывала от него кусочек

Дракон сидел на краю крыши, неподалёку от стола, смотря в ночь и переливаясь своей чешуёй – мерцание которой не давало возможности оценить его размер, сбивая с толку и завораживая.

Бесшумно подойдя к дракону за его спиной, принцесса тихо присела рядом, на самом краю стены. Он всегда чувствовал её присутствие, знал её нахождение и понимал её мысли. Так они ночами безмолвно беседовали, смотря в уют-

ную бездну наверху и под ногами.

Глава II. Рыцари

Это утро выдалось на удивление тёплым: принцесса лежала в просторной кровати, укрытая тонким одеялом, а балдахины над кроватью оставались распахнутыми, пропуская первые лучи. Её веки ещё были сомкнуты, но свет уже просачивался сквозь них, не встречая сопротивления, настойчивый, неумолимый, он вторгался в её сознание, искушая золотистым теплом. Этот навязчивый исследователь манил её покинуть далёкие, ускользающие просторы сна и вернуться в реальность, к бодрствующему миру.

В окнах её спальни не было ни стёкол, ни ставен – они всегда оставались открытыми, но это едва влияло на температуру в комнате, словно замок имел свой собственный климат, подобно настроению мудреца: спокойному, отстранённому от бурь снаружи, неуязвимому к капризам судьбы. Лишь длинные, прозрачные занавеси мягко прикрывали узкие проёмы, наподобие век, бессильных перед солнечными лучами, которые преодолели миллионы километров, чтобы проникнуть внутрь.

Спальня принцессы находилась на самом верхнем этаже замка, с прямым выходом на крышу. Вниз по узкой лестнице располагался каминный зал – просторное помещение, заставленное рулонами холстов. Эти рулоны – полотна картин, которые иногда писала обитательница замка. И сегодня был

как раз тот день, когда, проснувшись, она сразу спустилась вниз, развернула новое полотно из плотной льняной ткани, взяла кусочек угля из камина, села на каменный пол и медленно, задумчиво начала выводить узоры, похожие на ещё не придуманную или давно утерянную письменность. Это была её медитация, мост к миру грядущему, где слова отомрут, а пробудится чистое, телепатическое понимание – такое же, как между нею и драконом. Когда человечество постигнет эту связь, письмена-картины раскроют для них послания, запечатлевшие размышления принцессы, рождённые у края бездны её сознания – на краю стены замка. Эти картины были для неё посланием в будущее – письмами, на которые все ответы уже пришли, но так давно, что забылись и стёрлись в пыль времени, оставив лишь тихое, тёплое эхо удовлетворения от их былой мудрости.

Почти дописав картину, она внезапно остановилась, почувствовав агрессию дракона: он звал её на бой. Бросив уголь, принцесса решительно, без сомнений и страха, ринулась наверх.

Дракон стоял в напряжённой позе на краю стены, громко выдыхая раскалённый воздух из огромных ноздрей. Он стоял, как дрессированная собака, готовая к прыжку, но ждущая знакомого сигнала хозяина. Быстро и уверенно девушка подошла к краю стены, всматриваясь в горизонт.

Вдали, на зелёном поле, усеянном маками, показался рыцарь с мечом в надменно сияющих латах. Очередной храб-

рый воин, идущий навстречу неизвестности в надежде спасти несчастную принцессу от пленившего её дракона. Он был не первым и не последним, отдавшим свою жизнь на растерзание ошибочным идеям. Так много их – прекрасных, бравых воинов, добавивших этим полям той красноты, что режет глаз, что увядает, но возрождается опять.

Они не ведали, что та принцесса вовсе не была узницей своего заточения: для неё эти рыцари были угрозой, покушением на свободу и счастье, на её тихий, гармоничный мир, который она лелеяла. В её глазах они являлись грабителями, стремящимися отнять всё самое дорогое, что у неё было. И она защищала свой дом, свой мир и свою гармонию без колебаний и жалости.

Увидев рыцаря, принцесса мгновенно сменила сосредоточенно-боевой настрой на раздражённо-скучающий. Она медленно развернулась и пошла обратно. Уходя, еле заметно взмахнула рукой и направилась вниз, чтобы дописать начатую картину. Это взмах был тем самым сигналом к действию, которого так ждал дракон. Он тут же взметнулся со взрывной мощью вниз, навстречу рыцарю.

Принцесса спустилась по винтовой лестнице обратно в каминный зал, подняла с пола кусочек угля и продолжила рисовать строчка за строчкой свою картину, ощущая, как дракон вонзается в плоть незванного спасителя со скрежетом разрывающейся брони.

Картина была завершена. Как и завершена жизнь наивно-

го юноши, мечтавшего о славе и любви. Как долгий путь навстречу надеждам, ведомый сломанным компасом, обречённый на крах с самого начала.

Вернувшись на крышу, принцесса подошла к краю и посмотрела вниз. Маки вновь стояли спокойно, будто то, что произошло, было частью их привычного цикла – как утренний дождь или вечерний ветер.

Мир так устроен, – подумала она.

Если у тебя есть дракон, кто-то обязательно захочет доказать, что он тебе не нужен.

Дракон поднял к ней взгляд. Он знал: она думала не о рыцарях. Она думала обо всём, что когда-то пыталось вторгнуться в её жизнь.

Она провела чёрной от сажи ладонью по его окровавленной голове, как будто делясь с ним пятнами своей души и забирая свою половину ответственности за пролитую кровь.

Дракон ускользнул в небо, и принцесса, запятнанная кровью, стояла на краю башни, думая о море, которое скрывалось где-то за горизонтом и иногда напоминало о себе волнами солёного воздуха.

– Пора к морю, – сказала она сама себе.

– Этот день не стоит того, чтобы его запоминать.

И ступила вниз с края стены. Это не было проявлением риска или тягой к острым ощущениям – это был единственный способ выхода из замка, которым она когда-либо пользовалась. В любой момент, когда ей хотелось спуститься или

отправиться куда-то, она просто выходила в пустоту. И даже если дракона не было в пределах видимости, он возникал под её ногами со скоростью молнии, разрезая пространство, которое отступало под натиском его чешуи.

Обхватив шею дракона, они отправились к морю, оставляя за собой замок, стоящий как непробиваемая оболочка, не тронутая ни страхом, ни разрушением. Поля маков вновь скрыли свои тайны. А мир, который так упорно пытался вмешаться, отступил, как делает это всегда, когда встречает силу, которую не понимает.

Глава III. Глубина Заката

Вечернее солнце уже почти утонуло за горизонтом моря. Красный, тяжёлый диск раскалённого света растягивался по поверхности, превращая море в медленную, густую лаву. Но под этим слоем – тьма. Настоящая, плотная, холодная.

И в этом странном союзе – раскалённой поверхности и ледяной глубины – проступала истина природы, которая никогда не выбирает одну сторону. Она не обязана быть цельной. Она держит в себе огонь и холод, свет и бездну, покой и силу – не смешивая их, а позволяя стоять рядом, будто два мира, не спорящих о праве существовать.

То, что сверху казалось пламенем, внизу превращалось в неподвижную ночь. И море не страдало от этого противоречия – наоборот, жило им. Вода умела быть одновременно убежищем и угрозой, мягкой и жестокой, притягивающей и отпугивающей. В ней не было выбора «или». Было только «и».

Именно сочетание несовместимого создаёт целое. Только там, где встречаются крайности, – рождается глубина.

Наверное, так устроено всё живое: то, что кажется непримиримым, на самом деле – две половины одной правды. И настоящая гармония возникает не там, где исчезают противоположности, а там, где они смотрят друг на друга, не отводя взгляда.

Принцесса уже стояла у кромки воды, оставив своё платье лежать на песке. Её ступни омывались плавными волнами обжигающе холодного, но спокойного моря. Она смотрела на дорожку света, которая брала начало прямо у её ног, как будто лучи заката точно знали, где искать заблудившегося путника, чтобы подсветить ему путь в темноту.

После нескольких шагов дно резко обрывалось в глубину. Будто сама земля заканчивалась в этом месте. Сделав вдох, она скользнула вниз и почувствовала, как вода сразу стала плотнее, тяжелее, будто не желала отпускать её с верхнего слоя. Каждый взмах рук давался с усилием – казалось, само море спрашивает:

– Ты уверена?

Но она продолжала опускаться – упрямо, как всегда. Несколько метров вниз, и сопротивление стало подобно стене.

Затем всё изменилось.

Она выдохнула остаток напряжения, позволила телу подчиниться глубине – и вода перестала бороться с ней. Словно перестала проверять. Она стала уступчивой и принимающей. Принцесса раскрыла пальцы, расслабила мышцы, и погружение превратилось в падение – тихое, плавное, бесплотное.

Она смотрела вверх, на колышущуюся границу мира, где закатные нити пробивались сквозь толщу воды разбитыми осколками красного и оранжевого. Они смещались, дрожали, превращались в странные фигуры – будто язык света, ко-

торый понятен только низинам моря.

Холод, резкий и безжалостный у поверхности, быстро превращался в другое ощущение – вязкое, тягучее тепло, похожее на то, что бывает во сне, когда тело перестаёт принадлежать себе.

Толща воды принимала её целиком. И на миг показалось: если продолжать падать вниз, можно добраться до тишины, о которой не знает ни один человек на суше. Тишина под водой была почти физической – давила виски и выравнивала мысли. Тут лёгкие впервые болезненно напомнили о себе. Она замедлила движение, коснувшись кончиками пальцев дна. Став всей ступнёй на ровное дно, которое будто было предназначено для ходьбы, она чувствовала, как дракон спокойно сидит на песке, охраняя воздух до её возвращения, смотря на морскую гладь, которая не выдавала присутствия тех, кого приняла.

Сжав ладони и согнув колени, она закрыла глаза – словно готовясь к прыжку, ещё на секунду прислушалась к неподвижности звука, будто хотела забрать его с собой. Вокруг – абсолютная тьма, и в ней что-то дышало глубже, чем человек способен представить.

Принцесса толкнулась вверх, разрезая подводные слои. Сил хватало, но назад – к свету – возвращаться было тяжелее, чем уходить вниз.

Когда она наконец вынырнула, солнце уже догорело, оставив ей жар последнего свечения для долгожданного вдоха.

Солёная вода на губах была на вкус как кровь, от которой она пришла отмыться, но уже невинная, испаряющаяся с поверхности кожи, не оставляя следа и разрешая о ней забыть.

Выйдя на берег, она сразу села на дракона. Ей хотелось после этой глубины сразу ощутить высоту. Дракон, взяв в зубы её платье, немедленно взмахнул ввысь, срывая капли воды с её волос, которые дождём попрощались с песчаным берегом.

Дом был близко, и дракон летел очень медленно: широко раскрыв крылья, завис в едва уловимом скольжении. Он давал ей насладиться высотой раннего, нового вечера – такого же, как миллионы вечеров до него, такого же, как миллионы после.

По пути в замок они остановились у края леса, где дракон охотился, добывая для принцессы ужин, в то время как она собирала ягоды.

Приземлившись, принцесса сразу направилась к зарослям ежевики, находившимся неподалёку. Дракон, положив платье на землю, немедленно скрылся в чаще, а платье осталось лежать на траве, как метка – не вещь, а координата. Точка, к которой они оба должны будут вернуться.

Тёмные ягоды, охраняемые острыми, зло изогнутыми шипами – маленькими воинами, готовыми защищать свой урожай любой ценой, прятались за ночью.

Её мягкие пальцы казались слишком нежными для такой работы – созданными скорее для прикосновения к ле-

песткам, чем к колючему переплетению ветвей. Но именно эта нежность делала её движения безошибочными. Чувствительность кожи позволяла ей заранее угадывать направление каждого шипа, словно пальцы ощущали угрозу ещё до того, как касались острия. Нежность была для неё не слабостью, а оружием: чувствительность, доведённая до инстинкта, заменяла броню.

Набрав две полные горсти ягод, она медленно пошла обратно по ночному лесу, ступая босыми ногами на влажную, прохладную подстилку из листьев. Почва под ней была уютной, податливой, будто сама подстраивалась под её шаги – как лес, который признаёт своих.

В тени корней, как маленькие фонари без света, поднимались рыхлые шляпки грибов, влажные от поздней сырости. Они росли плотными кругами, словно обсуждали её походку и делились новостями о редкой гостье, нарушившей свойственной ночи скрытность.

Где-то высоко над ней тихо перекликались совы – редко, размеренно, будто проверяли свои владения.

Воздух был наполнен древним ароматом ночи: сырой земли, коры, старых листьев и прелой травы.

Она шла медленно, чтобы ягоды не рассыпались, и потому что лес сам задавал ритм. Здесь нельзя было спешить – ночное время не терпело резких движений. Оно требовало погружения.

Вернувшись к обозначенной отметке, она высыпала ягоды

на платье, завернув их как в сумку. Дракон уже ждал её с большим куском мяса в зубах. Он никогда не забирал всю тушу целиком – только лучшую её часть.

Оставшийся участок дороги к замку накрыл их коротким, но интенсивным ливнем, в котором они резвились как дети, оставшиеся без надзора родителей. Дракон кувыркался в воздухе игривым щенком, притворяясь, что пытается увернуться от капель воды, а принцесса смеялась, притворяясь, что вот-вот упадёт на этих виражах, иногда вскрикивая будто от страха – и тут же смеясь ещё громче.

Рядом с замком было сухо: дождь обошёл его стороной, не осмелившись нарушить покой исполина.

Высыпав ягоды из промокшего платья в чашку на столе, принцесса повесила его сушить на одну из башен – словно флаг капитуляции, которого этот замок никогда не знал и которые явно ему не шли.

В её наготе не чувствовалось ни вызова, ни вульгарности – она была настолько естественной и невинной, что не привлекала к себе внимания, словно сама природа, обнажившаяся в лучах зари: чистая и без тени стыда.

Её ужин уже дымился на раскалённом металлическом блюде в середине стола. Сегодня она была необычайно голодна. Крылатый хранитель, заметив её аппетит, принёс несколько веток яблони с плодами и положил их на стол. Девушка ела с улыбкой, вспоминая полет под дождем и взглянув на своего друга, подумала о том, насколько счастлива.

Глава IV. Прыжок в Рассвет

Следующее утро началось активно. Хозяйка замка была полна энергии и задора. Вскочив с кровати, словно куда-то опаздывая, она с лёгкой улыбкой побежала на крышу, схватила своё платье и, не останавливаясь, надевая его на ходу, прыгнула с крыши, зажмурившись от яркого рассветного солнца.

Спина дракона была как всегда в нужном месте и в нужное время. Нежно гася приземление, он продолжил её прыжок движением вниз, будто проседая и возвращаясь волной выше. С тем же задором дракон полетел к цветущему полю неподалёку от реки.

Спрыгнув со своего доставщика, принцесса, смеясь, побежала сквозь высокую траву и цветы, наблюдая, как дракон летит прямо над ней, кувыркаясь и резвясь вместе с ней, создавая завихрения ветра. Она восторженно кричала, тянулась руками вверх, чтобы мимолётом дотронуться до огромных крыльев, которые с каждым взмахом опускались далеко вниз.

Устав, она, тяжело дыша, упала в траву, широко раскинув руки и ноги, и с улыбкой продолжала смотреть в небо – на играющего с облаками монстра, который издалека казался пронырливой маленькой птичкой.

Отдышавшись, она повернулась на бок на примятой тра-

ве, рассматривая цветы, растущие вокруг. Выбрав самый большой – ярко-жёлтого цвета, притянула его ближе к себе, не срывая и нырнула лицом в кучерявые бархатные лепестки. Вдохнув его аромат полной грудью, она закрыла глаза и погрузилась в многослойный букет спелых лимонов, нагревшегося на солнце мёда, юной беспечности, свежего базилика и древесной смолы, скреплявшей все составные части этого запаха, кристаллизуя его в памяти янтарём. Земля отдавала приятной сыростью, отталкивая травой летний зной, а длинные колосья склонились веером вокруг, притеняя её дремоту наслаждения свободой.

Жажда потревожила её приятный, поверхностный сон. Дракон лежал рядом, свернувшись в клубок, точно неподвижный каменный валун, боявшийся разбудить землю. Река была совсем рядом, и, отряхнувшись от пыльцы цветов, она пошла на шум воды.

Бурный поток неестественного, ярко-лазурного оттенка отдавал морозной вьюгой горных вершин, откуда брал своё начало мелкими ручейками, разветвляющимися в более крупные вены ледяного предела. Прохладу сторожили деревья, выстроившись вдоль русла: они сходились высокими кронами в зелёный свод, отгораживая свет дня и удерживая гул воды внутри этой влажной, затенённой пещеры свежести посреди цветущего луга.

Гостья оазиса присела у берега и зачерпнула воду ладонями. Холод обжёг кожу, но в нём было что-то чистое, успокаи-

вающее. Она поднесла ладони к губам и сделала глоток. Вода была на вкус как жидкий лёд – прозрачная, резкая, но удивительно мягкая, будто успевала растаять только в тот миг, когда касалась её губ.

Через несколько минут дракон вернулся, держа в зубах тяжёлый глиняный кувшин, в который она набрала воды, и, обняв его двумя руками, села на бережно склонившегося перед ней дракона. Полёт домой был спокойным, почти медитативным: мощные крылья рассекали воздух с тихим гулом, а земля внизу медленно уплывала, как размытая акварель. Сосуд в её руках слегка покачивался, но дракон летел так ровно, что ни капли не выплеснулось, – а холод воды напоминал о только что оставленной свежести реки. Ветер ласкал лицо, неся ароматы далёких полей, и в этот миг она почувствовала себя частью неба – его сутью, где каждый взмах крыльев отзывался в ней эхом ветра, ведущим к новым горизонтам.

Она стояла на крыше, все еще ощущая в себе небо. Из этого состояния не хотелось выходить. Полуденный зной немного начал припекать кожу, отвлекая от украденных теней. Солнце зависло неподвижно в зените, задумавшись о сторонах света, будто вдруг засомневалось, куда идти – на восток за надеждой или на запад за покоем, и в итоге просто застыло, бросив ее ждать.

В мареве над полем горизонт колыхался, превращая ровные поля в мерцающее, неуловимое видение под палящим

солнцем, но маленькое тёмное пятно – нарушало волнистую мягкость этого пейзажа. Дракон, почувствовав вторжение, прыжком возник рядом со смотрящей в даль принцессой, как тяжёлая глыба, рухнувшая со скалы в мягкий снег, с огромной разрушающей силой, но не издав грохота или вибраций, лишь резкий поток воздуха – взметнул её волосы. Посмотрев несколько мгновений в горизонт, принцесса сжала кулаки, медленно, со злостью процедив сквозь зубы:

– Убери это.

Уже на вдохе, перед тем как произнести эту фразу, дракон разорвал воздух своим прыжком, оставив её договаривать в одиночестве. Не разжимая кулаков, она пошла в свою спальню, почувствовав, как сильно перегрелась на солнце. Набрала в ладони немного воды из кувшина, ополоснула лицо, обняла шею и почувствовала сильную пульсацию, отдающую в виски. Она легла на кровать, борясь с яростью, захлестнувшей её – то ли от зноя, то ли от очередного визита спасителя, чувствуя, как жар в голове плавится в раздражение.

Очередной рыцарь… Интересно, кто его отправил? Король? Оракул? Или собственное воображение?… И вот они идут – блестящие, надушенные, с речами заранее заготовленными. Даже не утруждают себя простым вопросом: почему ни один их предшественник так и не вернулся с победой?

Она коснулась виска кончиками пальцев, стараясь успокоить ритм пульса.

Хотя, в их защиту, признаю: логическое мышление не входит в стандартную рыцарскую подготовку. Зато пафос – да. Его там преподают, похоже, как древнюю науку.

Губы дрогнули – усталая, сухая усмешка.

Им бы табличку у ворот повесить: «Очередь героев – туда» «Приём жалоб на отсутствие damsel-in-distress – сюда»

Она повернулась на бок, кутаясь в прохладную тень от балдахина.

Поэтому я и держу дракона рядом: он экономит мне время. О-очень много времени.

Дракон… И тут она внезапно вспомнила о нём. Это было странно – чувствовать тишину так долго; она не ощущала ни боя, ни даже его ярости. Но было что-то другое, какое-то новое ощущение, она даже не могла дать ему название… Это было похоже на… смущение?!

Взорвавшись от неконтролируемой ярости, она вскочила с кровати и, выбегая из комнаты, схватила меч, стоявший возле кровати. Дракон стоял прямо напротив выхода из её комнаты – он вернулся, но не решался дать ей знать. Она резко, с усилием остановилась, уткнувшись ему лоб в лоб, глаза в глаза, испепеляя его своими эмоциями и непониманием. Через мгновение она жёстко наступила ему на крыло и запрыгнула на спину. Он, хоть и не способен был чувствовать боль, только от одного намерения принцессы причинить её испытывал физические страдания.

В полёте она пыталась отключиться от мысленного пото-

ка, исходившего от дракона; он транслировал какую-то невиданную чушь: волнение, нежность, смущение и запах… Этот рыцарь пах «своим». На этом моменте она сморщилась с улыбкой отвращения.

Прекрасно. Мой дракон сломался. Теперь вместо того, чтобы стирать рыцарей в пыль, он, видите ли, нюхает им воротники и краснеет. Осталось только, чтобы он им стихи начал читать – и можно открывать в замке цирк, – подумала она.

Глава V. Добыча и Охотник

Спрыгнув с дракона раньше, чем он успел приземлиться, девушка направилась широкими, тяжёлыми шагами к рыцарю, волоча конец меча по земле, словно не хотела тратить лишних сил на всё это мелкое недоразумение, которое вот-вот будет разрешено.

Возмутитель спокойствия стоял в уверенной, расслабленной позе, но без тени надменности, и не было в нём заметно страха. В рыцарской мантии, но без боевых доспехов, а меч его оставался в ножнах.

– Приветств… – начал говорить он, прерванный внезапно сдавившим его горло мечом – давлением достаточным, чтобы заставить замолчать, но не разрезать. Нахмурив лоб, она медленно рассматривала смельчака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.